

Александр Киклевич

Русский язык в движении размышления над книгой Н. В. Юдиной "Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс?"

Przegląd Wschodnioeuropejski 4, 569-578

2013

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

АЛЕКСАНДР КИКЛЕВИЧ
 Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

**РУССКИЙ ЯЗЫК В ДВИЖЕНИИ.
 РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ Н. В. ЮДИНОЙ
 «РУССКИЙ ЯЗЫК В XXI ВЕКЕ:
 КРИЗИС? ЭВОЛЮЦИЯ? ПРОГРЕСС?»**

В 2010 году московское издательство «Гнозис» издало научную монографию профессора Натальи Владимировны Юдиной, в которой, как читаем в аннотации, представлено комплексное описание активных процессов в современном русском языке, особенно последнего времени – начала нового столетия. В книге, насчитывающей семь глав, преимущественно рассматриваются внешние, функциональные аспекты динамики русского языка, поэтому автор уделяет много внимания таким факторам языкового развития, как языковая политика, содержание языковой личности, образовательная среда и др. В предлагаемом читателю анализе данной монографии я остановлюсь на избранных проблемах, в особенности таких, которые являются общими для языковой ситуации в странах Восточной и Центральной Европы, в частности, в России и Польше.

В основе современных языковых процессов лежат радикальные социальные и политические изменения, которые произошли в странах бывшего социалистического лагеря в 90-е годы прошлого века. Известный польский языковед К. Ожуг называет те причины, которые обусловили новые тенденции в области языкового поведения¹:

1. в странах бывшего социалистического лагеря, в том числе в Польше и России, тоталитарный строй, основанный на идеологии марксизма-ленинизма, уступил место демократическому строю (хотя следует отметить, что в разных странах Восточной и Центральной Европы этот процесс протекал и протекает по-разному);

2. возникли новые политические институты (например, новые политические партии, движения);

¹ К. Ozóg, *Polszczyzna przełomu XX i XXI wieku. Wybrane zagadnienia*. Rzeszów 2001, s. 15.

3. возникла новая – рыночная система экономики;
4. страны бывшего социалистического лагеря освободились из-под идеологического и отчасти экономического влияния Советского Союза;
5. большинство этих стран вошло в сферу универсальной потребительской культуры (= культуры консумпционизма);
6. в большинстве этих стран были созданы основы информационного общества с развитой, дифференцированной системой средств массовой информации (государственных, частных, позднее – СМИ так называемого третьего сектора).

Юдина также рассматривает «наиболее важные концептуальные изменения», которые нашли свое отражение в сфере языковой коммуникации, а также непосредственно в системе русского языка. К таким изменениям, учитывая мнение других исследователей, например, Е. В. Какориной², исследовательница относит:

1. разрушение старой системы политических концептов и их деидеологизацию;
2. деактуализацию старых концептов, например, таких, как: «советский человек», «коллектив», «герой», «высокий авторитет»;
3. появление и распространение в сфере массовой информации – в частности, под влияние западной массовой культуры, а также сферы бизнеса и компьютерных технологий – новых концептов: «секс», «имидж», «пиар»;
4. дифференциация культуры, в частности, конкуренция старых и новых концептов: «генеральный секретарь» – «президент» – «царь», «вождь» – «лидер» «харизматик», «характеристика» – «резюме»;
5. формирование новых концептуальных полей, активно влияющих на другие концептуальные сферы: «криминал», «бизнес», «насилие», «религия» (впрочем, иногда происходит, скорее, возрождение таких полей, например, конфессионального³).

Указывается, что на современное состояние языка особое влияние оказала смена культурно-цивилизационной парадигмы, а именно – распространение культуры постмодернизма (Юдина пишет о расширении нового, постмодернистского стиля мышления⁴). В монографии читаем:

Современное постмодернистское мышление начинает противостоять идее мировоззренческой цельности. В постмодернистскую эпоху язык как часть

² Е. В. Какорина, *Активные процессы в языке средств массовой информации*, [в:] *Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX и XXI вв.* Москва 2008, с. 506.

³ О. П. Ермакова, *Семантические процессы в русском языке на рубеже веков*, «Acta Neophilologica» 2006, с. 24.

⁴ Н. В. Юдина, *Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс?* Москва 2010, с. 10.

культуры начинает терять равновесие. Изначальная сопряженность языковых норм и фактов языка с ценностно-онтологическим строем миропорядка, восходящим к сфере абсолютных сакральных ориентиров, перестает быть безусловной. Постмодернистское нарушение языкового баланса в речевой культуре начала XXI века усугубляется динамичными социально-политическими процессами, бурным развитием электронных средств массовой информации; нормотворческая значимость с письменного языка художественной литературы переходит на устную речь публичных каналов общенациональной коммуникации⁵.

Постмодернизм получает в книге, скорее, отрицательную оценку. Это видно по тому, как Юдина интерпретирует его последствия в сфере языковой коммуникации. Ссылаясь на мнение исследователей, она пишет о лингвистическом нигилизме – «недооценке и прямом отрицании филологических и гуманитарных знаний с позиций технократически настроенной части современного общества», с чем можно спорить, поскольку, как известно, постмодернизм открыл огромные возможности для творческой реализации потенциала языка – особенно благодаря интернету. Можно согласиться с тем, что современный русский язык не обогащается «инцидентами» вроде «Библии падонков» Дмитрия Соколовского (2008)⁶, однако нельзя не признать, что в определенной

⁵ Ibidem, с. 10–11.

⁶ См.: Д. Соколовский, *Библия падонков, или учебнег Албанского языка*. Санкт-Петербург 2008. Польского читателя следует проинформировать, что речь идет о радикальном нигилистическом стиле современной молодежной прозы, насыщенной просторечной лексикой, вульгаризмами и молодежным сленгом. Ср. отрывок:

И настал день.

И светило солнце.

И сломался у меня Тырнет во усадьбе моей.

И сделан был звонок телефонный в новую Тырнет-компанию, чтобы имела я возможность великую на порносайты драть, да хуйню всякую по литресурсам распахивать.

И явились на следующий день во мои палаты три богатыря, красоты несказанной: Андрюха, аки Культурист чахоточный, Серёга, аки Терминатор доморощенный, да Колян, аки Морячек Папай.

И началось дело великое, закипела работа кипучая, да хуями обложено было пол города с крыш крутых.

Затащили они на чердак бухту кабеля да катили ее по мусору, да по говну голубиному, но уебал Коля своею головной костью могучей по балке кровельной и посыпалось на чела всем с балок говно голубиное. И молвил Коля «Йобтваю!», и отвечали ему все «МУДАБЛЯ!».

Стали тырнетчики делом правым занимацца, да протягивать кабель белоснежный через все палаты каменные, сквозь дверь парадную, да чрез счётчик электрический.

Два добра молодца за дверями миссию тайную выполняли, а третий богатырь, вельми мужественный, коварно К сонтию меня склонял.

Я – девица честная, почти замужняя, и не хотелось мне погрязть во грехе разнузданном с Андрюхой, хотя и красив он был словно яблоко наливное, и в штанах его синих могуче вздымалась плоть мужыцкая, дрожь вызывающая.

степени даже такие крайние, экстравагантные языковые эксперименты вытекают из постмодернистской идеи культурного релятивизма, а значит, все более полного соответствия личности и ее семиотической сферы. А в этом – на фоне арбитральности, искусственности, схематичности коммунистического новояза – нельзя не видеть определенных положительных элементов.

Симптоматично, что Юдина в связи с воздействием постмодернизма на систему и функционирование русского языка употребляет оценочное существительное: «нарушения». Это существительное в русском языке образовано от глагола *нарушить*, который имеет значение ‘помешать обычному течению, ходу чего-л., прервать’. Интересно, что эта семантика обычно ассоциируется с негативной оценкой, хотя изменение обычного хода чего-либо не обязательно несет в себе зло. Можно ведь прервать цепь негативных, бессмысленных событий! Однако нарушения и в русской, и в польской культуре понимаются как нечто нежелательное, вносящее дисгармонию и беспорядок. В таком свете Юдина рассматривает и проявление постмодернизма в новейшей культуре русского языка. Исследовательница пишет о таких – подчеркну: негативных – явлениях, как:

1. деформация стилистического баланса;
2. лингвистическая экспансия англоязычного мира;
3. переименование этноисторического пространства и искажение некоторых антропонимических традиций, вызванных собственно языковой смысловой энтропией;
4. смешение устного и письменного дискурсов, жаргонных и нормативно-литературных разновидностей языка;
5. легализация сквернословия и ряд других, в большинстве своем негативно окрашенных тенденций⁷.

При этом отмечается, что некоторые из этих явлений были и ранее свойственны русскому языку (и не только русскому), но именно в последнее время они стали более заметными.

Юдина обсуждает распространенную точку зрения, согласно которой в последние десятилетия в русском языке происходит кризис. О к р и з и с е я з ы к а пишет, например, П. А. Белоусов⁸, который выделяет четыре его наиболее значимых симптома:

И почти поддалась я искусителю с потенцией несравненной, да прикидывала хуй к носу где бы тайно ему отдацца, штоп остальные богатыри сиё не прознали, да корпоративного слияния не потребовали, чтоб справедливость восстановить нарушенную.

⁷ Н. В. Юдина, *op. cit.*, s. 11.

⁸ П. А. Белоусов, *Семантическая деривация в русском языковом пространстве и учение о доминанте А. А. Ухтомского*, [в:] *Актуальные проблемы современной когнитивной науки*. Иваново 2010, с. 77.

1. лингвистический утилитаризм – редукцию функций языка, ограничение сферы его употребления решением заданий в сфере товарно-денежных и деловых отношений; этому способствует экспансия англоязычной цивилизации, превращающей язык в гипертекст, в функциональное средство передачи информации и подменяющей первоначальное значение слов их вторичными субкультурными значениями;

2. семантический примитивизм – распространение вульгарной лексики на всех уровнях коммуникации, детабуизацию обценной лексики и утрату практическим языком возвышенно-эстетических качеств, сопряжение сниженного языка с модой на уголовно-криминальный тип поведения, закрытость для развития эмоционально-душевной сферы;

3. языковой традиционализм – возвращение языкового сознания к формам коммуникации, характерным для бесписьменных культур с их безличной коллективностью и бессознательным восприятием звучащего слова, что в условиях современного электронно-информационного тоталитаризма означает вытеснение чтения («культуры глаза») прослушиванием («культура уха») и ведет к деперсонализирующему и мифологизирующему воздействию на эмоциональный и ментальный мир человека, а также на ценностно-смысловую структуру личности;

4. потерю русской классической литературой экзистенциально-онтологической соотнесенности с миром абсолютных ценностей, формирующих духовное пространство русского народа и поддерживающих в нем смысловое напряжение.

Здесь надо отметить, что в подобном духе высказывается и большинство польских исследователей. Ср. мнение А. Скудзык: «На тему состояния языка [в эпоху постмодернизма. – А. К.] в литературе распространены эмоционально окрашенные определения: катастрофа, кризис, распад»⁹. В связи с этим польские исследователи часто обращаются к ставшему особенно популярным источнику – книге Х. Ортеги-и-Гассета «Бунт масс»¹⁰. Я. Морбитцер пишет об угрозе, которую несет визуализация современной культуры, влекущая за собой обеднение лексикона, особенно что касается названий абстрактных понятий и понятий из сферы этики¹¹. Ссылаясь на американского исследователя К. Столла, Морбитцер обращает внимание на то, что «превращение книг в гипертекстуальные продукты интернета становится для читателей стимулом для того, чтобы

⁹ А. Skudrzyk, *Czy zmierzch kultury pisma? O synestezji i analfabetyzmie funkcjonalnym*. Katowice 2005, s. 110.

¹⁰ J. Ortega y Gasset, *Bunt mas*, [w:] *Antropologia kultury. Zagadnienia i wybór tekstów*, pod red. A. Mencwela. Warszawa 2005, s. 534.

¹¹ J. Morbitzer, *Media — zniewolić umysł?* „Konspekt” 2002, XI.

игнорировать то, что в тексте самое важное – его смысл». Подобным же образом высказывается И. Чайковская¹², согласно которой информационная среда ослабляет творческий потенциал личности, учит пассивности и конформизму.

Интересна точка зрения Ц. Мельчарского¹³, который пишет о том, что современная идеология постмодернизма восходит к философии софистов, особенно – к ее риторической культуре, к персуазивной и суггестивной функции языка. Польский философ обращает внимание на то, что в традиционной культуре персуазивные технологии в коммуникации всегда оценивались негативно – прежде всего потому, что они позволяют минимализировать в коммуникации критерий истинности и семантической репрезентативности сообщений. Именно потому мнение о софистах всегда было невысоким: по мнению Мельчарского до XIX века софисты считались воплощением негативных ценностей, что олицетворяет образ Велиала – одного из падших ангелов в «Утраченном рае» Дж. Мильтона.¹⁴ Мельчарский ссылается на Дж. Локка, который считал риторику лженаукой, вводящей разум в заблуждение.

Б. Ярош утверждает, что массовая культура не имеет ничего общего с культурой *sensu stricto*, поэтому современное состояние массовой коммуникации определяет как «вторичную безграмотность», «переплетение случайностей», «деконструкцию мышления», «интеллектуальную пещеру» и др.¹⁵ Д. Колбушевская приводит слова П. Бурдьё, что телевидение основано на конфликте двух категорий: «мышление» и «скорость». Хотя Бурдьё высказал это мнение в 1966 году, Колбушевская

¹² I. Czajkowska, *Oddziaływanie mediów i hipermediów — szanse i zagrożenia*, „Media. Kultura. Komunikacja Społeczna”, 2005, I.

¹³ C. Mielczarski, *Klasyccy sofisci i pluralizm kultury demokratycznej*, „Przegląd Humanistyczny” 2010, 2, s. 18.

¹⁴ Ср. отрывок из поэмы Дж. Мильтона:

Поднялся Велиал; он кротким был
И человеческим внешне; изо всех
Прекраснейшим, которых Небеса
Утратили, и с виду сотворен
Для высшей славы и достойных дел,
Но лжив и пуст, хоть речь его сладка,
Подобно манне; ловкий словоблудец
За правду выдать мог любую ложь.
Мог исказить любой совет благой,
Столь мысли низменны его. Во зле
Искусный, он ленив и празден был
В деяньях чести [...]

¹⁵ B. Jarosz, *Przestrzeń graficzna w przekazach multimedialnych w dobie dominacji kultury obrazu*, [w:] . *Materiały XIV ogólnopolskiego sympozjum naukowego “Komputer w edukacji”*, pod red. J. Morbitzera. Kraków 2002, s. 73–77.

пишет, что оно правомерно по отношению ко всем современным средствам массовой коммуникации.¹⁶

Очередной польский автор – В. Галонзка, считает, что основная причина недоверия по отношению к СМИ заключается в том, что главным предметом деятельности этого общественного института стала погоня за новостями, а критерием их селекции является сенсационность¹⁷. Именно поэтому сотрудничество с таблоидами многие политики считают наиболее важным фактором своего успеха.

Что касается позиции самой Юдиной по вопросу «кризиса русского языка», то она, пожалуй, нейтральна: на с. 14 мы читаем, что многие негативные оценки современных процессов в языке можно интерпретировать по-разному, видеть в оцениваемых явлениях проявления разных тенденций и разных категорий.

[...] Лингвистические факты, зафиксированные в языке и реализованные в речи носителей русского языка XXI века, свидетельствуют не только о борьбе, но и о диалектическом единстве ряда тенденций, которые, на наш взгляд, ни в коем случае нельзя рассматривать исключительно как пейоративные.

Так, Юдина считает, что вульгаризацию и криминализацию в разных сферах сегодняшней коммуникации, в том числе и в коммуникации публичной, можно считать своеобразным проявлением демократизации и либерализации, а во многих языковых инновациях XXI века (в том числе и радикальных) можно видеть проявление языковой креативности. Хотя «общее снижение речевой культуры, к сожалению, пока еще намного опережает проявляющую себя не в полную силу интеллектуальность современной языковой личности нашего современника», но зато «пресловутая небрежность в использовании языковых единиц „идет в ногу” с динамичностью и экспрессивностью».

Аргументом в пользу того, что в языке действуют и «здоровые силы», является факт существования русского языка в глобальном пространстве социальной коммуникации. В отдельной части своей монографии Юдина пишет о большой роли русского языка в современном мире, подчеркивает, что «в течение следующего столетия русский язык вряд ли приобретет статус языка, находящегося под угрозой исчезновения»¹⁸. Она приводит, в частности, две цифры: 170 миллионов человек – это количество

¹⁶ D. Kolbuszewska, *Media i dialog. Jak powstrzymać polską wojnę na słowa?* [w:] *Dialog w żywiole wyobraźni*, pod red. J. Stranza. Poznań 2008, s. 182.

¹⁷ W. Gałązka, *Duch czasu... najwyższej oglądalności*, "Odra" 2010, 2, s. 16 i n.

¹⁸ Н. В. Юдина, *op. cit.*, s. 21.

говорящих на русском языке человек, населяющих Российскую Федерацию, и 350 миллионов – количество русскоговорящих в мире.

На с. 22 Юдина пишет о том, что русский язык развивается в соответствии с основными законами языка. С одной стороны, это верно, но с другой стороны, очевиден и тот факт, что реализация законов развития языка в последние десятилетия носит специфический характер, что, в частности, находит отражение в доминировании одних процессов, например, закона экономии, над другими. Среди новых явлений в русском языке последнего времени наблюдаются такие, которые трудно интерпретировать с точки зрения закона системности – они имеют слишком специфический, идиосинкратический, экзотичный характер. В качестве примера можно привести употребление прилагательного *круглый* в значении существительного *мяч*¹⁹.

В современных языковых процессах действуют разные, в том числе и случайные факторы, поэтому трудно согласиться с русской исследовательницей, когда она на с. 22 пишет, что «законы языка развиваются в строгом соответствии с законами развития общества» (разрядка моя. – А. К.). Ни о какой «строгости» этих отношений, конечно же, говорить нельзя. С другой стороны, и сама Юдина в заключении пишет, что современный русский язык, «в отличие от предыдущих хронологических отрезков [...] менее предсказуем»²⁰.

Особенно ценным (с информативной точки зрения) является для читателей раздел «Роль языковой политики в сохранении и развитии русского языка», где приводятся и комментируются важнейшие государственные документы и мероприятия, направленные на регулирование функционирования языка в российском обществе. Юдина при этом – что кажется довольно естественным, ожидаемым – интерпретирует роль русского языка в сфере современных международных отношений с точки зрения, которую можно квалифицировать как *русцентристскую*. Например, на с. 24 она пишет о своего рода предводительской функции русского языка в современном славянском мире: [у русского языка] «все еще остается возможность возглавить так называемое славянское сообщество». В самом высказывании автора обращает на себя внимание выражение *так называемое...* Автор ссылается на странное с идеологической точки зрения высказывание М. Л. Ремневой (многолетнего декана филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова), что отказ от идеи славянской взаимности (за которой, как можно догадываться,

¹⁹ А. К. Киклевич, *Номинация «Ы» или новые приключения круглого*, «Русская речь» 2013 [в печати].

²⁰ Н. В. Юдина, *op. cit.*, с. 263.

скрывается стремление подчинить славян геополитическим интересам России) «по сути является отказом от истории и культуры своего народа». Такое представление ситуации в современной Восточной и Центральной Европе является как минимум устаревшим. Родство славянских народов, их языков и культур неоспоримо – это находит свое проявление в системе культурных приоритетов (поляки, например, чувствуют огромную симпатию к традиции русского городского романа, чем объясняется феномен Алеши Авдеева), но реалии экономической и политической жизни сегодня таковы, что большинство славянских стран Центральной Европы принадлежит к Европейскому Союзу и разделяет социально-политические и культурные ценности, которые сформировались в ведущих странах Западной Европы: в Германии, Великобритании, Франции и др., а также в США. В современной культурной ситуации идея *government* заменяется или по крайней мере дополняется идеей *governance*, т.е. идеей участия в управлении государством и управлении разного формата надгосударственными образованиями разных общественных институтов. В Западной и Центральной Европе все более популярной становится концепция коммуитаризма²¹, на фоне которой русоцентризм (во всех его аспектах: политическом, культурном, экономическом, экзистенциальном, языковом) выглядит анахронизмом.

Специальный раздел Юдина посвятила особенностям функционирования русского языка в начале XXI века: описаны важнейшие изменения в фонетике (в том числе и просодические), в лексике, в том числе в лексической семантике, в синтаксисе, в словообразовании, в морфологии, в орфографии и пунктуации. Кроме того дано описание активных процессов в публичных сферах речевого общения: активизации различных форм публичной коммуникации, многообразия коммуникативно-речевых форм публичного диалога, полифонии публичной речи, доминирующей роли электронных средств коммуникации. В отдельных разделах монографии представлена информация о характерных признаках современной русской языковой личности, о современных словарях русского языка, о динамике языковой нормы. Интересными представляются рассуждения автора о проблемах лингвоэкологии.

В заключении Юдина пишет:

К сожалению, сегодня мы не можем с уверенностью констатировать факт устойчивого развития русского языка: некоторые тенденции ставят под угрозу способность будущих поколений удовлетворять потребности использования русского языка.²²

²¹ D. Łucka, *Marzenie o wspólnocie: retrospektywna fikcja czy wizja przyszłości? Komunitariańska koncepcja wspólnoty*, „Studia Socjologiczne” 2011, 4, s. 30.

²² Н. В. Юдина, *op. cit.*, с. 264.

С другой стороны, в современном состоянии русского языка Юдина находит и элементы прогресса. Она – с моей точки зрения – справедливо утверждает: «Русский язык в условиях глобального мира и в контексте всеобщей глобализации в целом не теряет своей самобытности и по-прежнему является востребованным как один из сильнейших мировых языков».

**Russian Language in Motion.
Reflections on the Natalya Yudina's Book
“Russian Language in the XXI Century: Crisis? Evolution? Progress?”**

The paper discusses current problems of the Russian language, especially in the first decade of the XXI century. The author examines the sociopolitical and economic reasons for the changes in the Russian language in the 90s of the previous century and the beginning of this century, as well as compares the language situations in Russia and in Poland. In addition, the postmodern paradigm of modern culture, which covers various aspects of our reality, is investigated as an important factor of the language change. Natalya Yudina assesses negatively the impact of the postmodernism on language, although the author does not agree with it; he argues that the characteristic of postmodernism cultural relativism leads to increasing functionality of the language, a natural character of the language of communication. The author critically assesses Yudina's statements that the Russian language can play a leading role in uniting Slavonic people. Such statements are regarded as fallacious.